

Волкогонова Анна Владимировна, Калугина Елена Николаевна, Красса Сергей Иванович

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕЛЕОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОГО СУБСТАНДАРТА

В статье предлагается концепция карнавализации языкового субстандарта. Представлена исследовательская программа в терминах ЧТО-, КАК-, ПОЧЕМУ- и ЗАЧЕМ-лингвистики, соответствующая описательному, объяснительному, систематизирующему и целеполагающему этапам изучения языковой игры. Результаты исследования эксплицированы в языковых моделях, когнитивных механизмах и лингвокультурных модулях. Карнавализация являет собой телеологию субстандартной речи, задавая параметры ЗАЧЕМ-лингвистики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 61-64. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'276.3

Филологические науки

В статье предлагается концепция карнавализации языкового субстандарта. Представлена исследовательская программа в терминах ЧТО-, КАК-, ПОЧЕМУ- и ЗАЧЕМ-лингвистики, соответствующая описательному, объяснительному, систематизирующему и целеполагающему этапам изучения языковой игры. Результаты исследования эксплицированы в языковых моделях, когнитивных механизмах и лингвокультурных модусах. Карнавализация являет собой телеологию субстандартной речи, задавая параметры ЗАЧЕМ-лингвистики.

Ключевые слова и фразы: карнавализация; субстандарт; языковая игра; языковая модель; когнитивный механизм; лингвокультурный модус; телеология; ЧТО- КАК-, ПОЧЕМУ-, ЗАЧЕМ-лингвистика.

Волгогонова Анна Владимировна**Калугина Елена Николаевна**, к. филол. н.*Ставропольский государственный аграрный университет
anna.volkogonova@yandex.ru, kalugina.elena2009@yandex.ru***Красса Сергей Иванович**, к. филол. н.*Северо-Кавказский федеральный университет
skrassa@yandex.ru***КАРНАВАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕЛЕОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОГО СУБСТАНДАРТА[©]**

Языковой субстандарт мы понимаем как гетерогенный языковой (речевой) континуум, который характеризуется отклонением от норм литературного языка (стандарта) или их нарушением [9], или специфическим следованием, чем формируются так называемые нормы второго порядка [22], преимущественно устной формой бытования или в таких письменных формах, которые следуют установкам устной речи (например, неформальная Интернет-коммуникация), нечёткими границами между его разновидностями, что характерно, например, для молодёжного и криминального жаргонов, репрезентацией в основном на лексическом (лексико-фразеологическом) уровне, а также манифестацией субкультурных ценностей.

В этом относительно протяжённом, живом и подвижном пространстве речи мы рассматриваем явления языковой игры, и именно с этого хронологически началось наше исследование.

С опорой на работы Л. Витгенштейна [3], В. З. Санникова [17], Й. Хейзинга [20], Б. Ю. Нормана [15], статьи в сборнике «Логический анализ языка. Концептуальные поля игры» [13] языковую игру мы определяем как творческое, нестандартное, отклоняющееся от языковой, стилистической нормы, правил речевого поведения, законов логики использование языка.

В сочетании «языковая игра в субстандарте» есть некоторый элемент тавтологии: казалось бы, любое отклонение от нормы выводит явление за рамки стандарта. Например, автор произведения (Юрий Поляков «Замыслил я побег...») обыгрывает отчество героя: *Олег Трудович Башмаков* в зависимости от сюжетных коллизий время от времени получает отчество *Тунядыч* в речи жены или друзей, то этот факт уже переключает данный фрагмент повести в субстандарт, равно как и обыгрывание фамилии: *Башмаков – Тапочкин?* [16]. Конечно же, мы не ставим знак равенства между примером из произведения Ю. Полякова и такой серией однокоренных слов из молодёжного жаргона как: *ксерачить* – делать ксерокопию; *ксереве* – то, что отксерокопировано, ксерокопия; *ксерня* – ксерокопированные документы [14]. Жаргонные слова *ксер* – ксерокс и *ксерить* – делать ксерокопию не причисляются к явлениям языковой игры, оставаясь (по крайней мере, это касается существительного *ксер*) принадлежностью жаргонизированной речи, сленга, т.е. находясь за рамками литературного языка. К субстандарту следует отнести и формы среднего рода в сетевом общении типа *книжко, собачко, тетко, задачо, проблемо, пятницо*, игровую модель которым задал интернет-мем *Йа криветко (Йа криведко, Йа криведко)* [7]. Именно примеры второго ряда (типа *ксереве* и *криветко*), а не *Тунядыч, Тапочкин* мы имеем в виду, когда говорим о языковой игре в субстандарте.

А. Е. Кибрик в контексте типологического метода в языкознании выделяет таксономическую КАК-типологию и объяснительную ПОЧЕМУ-типологию. КАК-типология основной задачей ставит классификацию языков по различным параметрам, тогда как ПОЧЕМУ-типология отвечает не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования тех или иных явлений [10]. Предложенный подход к типологии и способ его обозначения мы бы хотели расширить как в отношении области применения, так и количества таксонов и их отнесённости.

В отношении объёма предлагается перенесение подхода и его расширение с области типологии языков на всё языкознание в целом. Такое расширение мы отмечали в работах учёных, которые пишут не только о КАК-типологии, но и о КАК-лингвистике и ПОЧЕМУ-лингвистике в целом.

Расширение в таксонах предполагается в виде построения линии, начинающейся со ЧТО-лингвистики, продолжающейся в КАК-лингвистике и ПОЧЕМУ-лингвистике и заканчивающейся таксоном ЗАЧЕМ-лингвистики. В таком представлении вся конструкция соотносится не с таксономией как средством

типологизации, а представляет собой по существу эпистемологию, где ЧТО-, КАК-, ПОЧЕМУ- и ЗАЧЕМ-компоненты интродуцируют эпистемы. Эпистема ЧТО-лингвистики исследует объект (предмет) путём его выделения из ряда подобных. Приведённые выше примеры языковой игры представляют собой ЧТО-эпистему. Сам факт обращения внимания на то или иное явление и его общая характеристика в эпистемологическом плане представляют собой описательную ЧТО-лингвистику. Необходимо признать, что между эпистемами нет жёстких границ, и в том числе поэтому термин «описательная» в определённой мере условен в отношении первой эпистемы. Выделяя языковое явление (например, *I hear she uses big-O – Я слышал, она курит опиум*), исследователь квалифицирует его как относящееся к субстандарту и описывает в терминах языковой игры. Таким образом, на уровне ЧТО-лингвистики учёный выделяет явление, отличая его в ряду других, тем самым проводя акт его квалификации. Приведённый пример может быть описан и как словообразовательное явление (ср. *U-turn*) или как синтаксическое явление (*big O* без дефиса, рассматриваемое как атрибутивное словосочетание), или как лексико-семантическое в ряду сходных наименований (*big-O, big-C – кокаин*), с одной стороны, и *Big Apple, Big Ben*, с другой, и т.д.

Следовательно, избирательно-квалифицирующую деятельность по исследованию языка мы можем определить как описательную и отнести её к ЧТО-лингвистике.

Несмотря на важность исходного пункта и во многом его определяющий характер, исследователи редко останавливаются на ЧТО-лингвистике, хотя такая эпистемология вполне приемлема и даже уместна для публикаций «постановки проблемы», когда лингвист выделяет материал и описывает его в тех или иных языковедческих категориях. Так, в нашем материале облигаторными исследовательскими шагами является не только выделение фактов языка (речи), но и представление понимания явления (языковой игры), а также ограничение материала (субстандартные разновидности русского и английского языков). Подобные ограничения (или расширения) носят не только объективный (существование того или иного явления в той или иной сфере), но и субъективный характер (исследовательские предпочтения, знание языков, наличие источников и его интерпретации и т.д.).

Следующим шагом исследования выступает КАК-эпистема, которая представляет собой объяснительный этап. Если на первом этапе, в ЧТО-лингвистике, предметом выступает языковой факт, элемент структуры, то на данном этапе предмет составляет уже собственно структура этого явления. В нашем случае это модели языковой игры в субстандарте. Под моделями языковой игры нами понимаются типизированные способы формирования единиц языка (речи), которые реализуют установку отправителя речи на создание игрового эффекта [12].

В зависимости от характера языковых средств нами выделяются следующие модели языковой игры: 1) графические (нарушения слогового принципа графики – *иа криветко, вылей йаду*); 2) орфографические (*превед Медвед, аффтор жжот*); 3) фонетические (простые повторы – *buddy-buddy* чересчур дружелюбный⁴, повторы с аблаутом – *tip-top*, превосходный⁴, рифмованные повторы – *screamie-meemie* нытик⁴, искажения фонетической формы – *fershur* fog sure⁴, *Изобильный*, метатеза – *ossifer* officer⁴); 4) лексические (заимствования – *фазер-мазер*; семантический сдвиг – *AC/DC* бисексуальный⁴; антономазия – *ильич, карлсон* мужской половой орган⁴); 5) фразеологические (*pig heaven* полицейский участок⁴); 6) словообразовательные (аффиксация – *lifer* пожизненный срок⁴; сложение, в том числе осложнённое аффиксацией – *beefcake* качок⁴; аббревиация – *GIB* good in bed⁴); 7) грамматические (изменение рода – *мужчинко*); 8) комплексные (фонетико-синтаксические, лексико-синтаксические, фонетико-словообразовательные и словообразовательно-синтаксические) (см. подробнее в [Там же]).

Таким образом, КАК-лингвистика имеет дело со структурированием исследуемого явления и представляет собой объяснительный аспект лингвистической эпистемологии.

Далее на основе моделей языковой игры проводится выделение когнитивных механизмов, находящих своё выражение в языковых моделях. Под когнитивными механизмами мы понимаем ментальные установки, задающие способы языкового моделирования в игровой системе координат [4]. В своём понимании когнитивных процессов мы используем иной подход, чем это сделано, например, О. В. Журавлёвой, которая выделяет следующие когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков в публицистике): актуализация одной из когнитивных структур, переосмысление значения или внешней формы слова, ассимиляция когнитивной структуры, её деактуализация и противопоставление когнитивных структур [6].

Прежде всего, в этой классификации смешаны, сведены в одну как минимум две классификации, которые предлагают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский в отношении интерпретации семантики фразеологизмов [23]. Актуализация и деактуализация одной из когнитивных структур могут быть описаны в терминах выдвижения на первый план и исключения одной из когнитивных структур в составе другой. Переосмысление значения или внешней формы следует уточнить, поскольку цитируемые авторы, например, предлагают семь его видов: переосмысление как таковое, неденотативное переосмысление, целостное vs. частичное переосмысление, переосмысление границ референции, переосмысление условий узуса, вторичное переосмысление, псевдоисчерпывающее перечисление [ibidem]. Противопоставление когнитивных структур также может быть описано в терминах, предложенных московскими учёными.

Как представляется, подобная критика имеет объяснение не только по основаниям самого предмета, т.е. несогласия с той или иной интерпретацией когнитивной структуры, но и, если не прежде всего, по эпистемологическим основаниям: оставаясь в рамках КАК-эпистемы, невозможно адекватное объяснение процессов в терминах системы. Таким образом, приведение в систему означает переход от объяснительного аспекта с его фокусом на структуре к системообразующему аспекту с его акцентом на системе, иными словами, структуре, объединённой функцией.

ПОЧЕМУ-эпистема в случае исследования феномена языковой игры в субстандарте приводит к выявлению когнитивных механизмов, которые не только отвечают на вопросы «почему» в отношении языковых моделей, но и выполняют функцию нежёсткой детерминации языковых моделей.

На данном этапе нами выделяются редупликативный когнитивный механизм (детерминирует фонетическую языковую модель, в частности, различные виды повторов), ксенолектный механизм имеет в качестве языковых коррелятов фонетическую модель, графическую или орфографическую модели – искажения или комплексные модели. Наконец, криптографический механизм в контексте ПОЧЕМУ-эпистемы позволяет отвечать на причинные вопросы в отношении языковых структур. Так, в примере *She's numero uno in our office. You'll have to ask her – Она у нас здесь босс. Тебе нужно спросить у неё* говорящий использует в субстандарте лексические единицы другого языка, из ксенолекта [8], для создания эффекта «остранения» и посредством его – игрового эффекта. Следовательно, как модели языковой игры позволяют иначе взглянуть на само явление, так и когнитивные механизмы выводят на новый уровень понимания этих моделей.

Дальнейшее восхождение по линии лингвистической эпистемологии приводит нас к ЗАЧЕМ-лингвистике. ЗАЧЕМ-эпистема вводит исследование в телеологический, целеполагающий аспект (ср. значения лексем *почему* «по какой причине? отчего?» и *зачем* «с какой целью? для чего?»). Для описания явления в терминах ЗАЧЕМ-эпистемы используется понятие модуса. Под модусом понимаются лингвокультурные установки с целью их трансляции в когнитивные механизмы и затем – воплощения в языковые модели. Отталкиваясь от идеи В. В. Химика [21], мы выделяем такие лингвокультурные модусы как модус насмешки и иронии, игровой имитации, снижения и вульгаризации.

Проведение исследования в терминах ЗАЧЕМ-эпистемы показало, что между лингвокультурными модулями, когнитивными механизмами и языковыми моделями имеют место отношения нежёсткой детерминации, предлагаемая схема обладает эпистемической прегнантностью, демонстрирует связь культуры, когниции и языка посредством рамок определённых исследовательских процедур, терминов и способов доказывания.

Следуя логике нашего анализа, мы выходим на функции языка. И. Г. Торсуева указывает на необходимость не смешивать функции языка и функции высказывания: «При этом следует различать основные функции языка, такие как денотативная, коммуникативная и экспрессивная (в нашей терминологии) и подчинённые ей второстепенные (необязательные, факультативные) функции – типа людической, эстетической, магической и других. Такого типа функции составляют открытый список, так как многие из них ситуативны, т.е. возникают в определённой ситуации, причём ситуация эта может быть довольно редкой и специфической» [18, с. 22].

Не вступая в дискуссию относительно функций языка и не имея задачи полно и непротиворечиво охарактеризовать функции субстандарта, отметим то обстоятельство, что ещё В. М. Жирмунский выделял языковую игру как отличительную черту жаргонной речи: «...корпоративные жаргоны являются своего рода общественной забавой, **языковой игрой** (выделено нами – С. К, А. В., Е. К.), подчинённой принципам эмоциональной экспрессивности...» [5, с. 118].

Э. М. Береговская называет депрециативность, воспалённую метафоричность, доминирование репрезентативной, а не коммуникативной и тем более не криптолалической функции и людическую направленность в качестве черт, которые характерны для любой жаргонной, сленговой разновидности речи [2]. Таким образом, людическая функция (направленность в другой терминологии) составляет одну из характерных особенностей арго, жаргона, сленга. Более того, исследователи отмечают широкое распространение языковой игры, употребление языка в людической функции в различных стилях речи [11].

На этом, казалось бы, можно завершить исследование, которое поднялось на уровень ЗАЧЕМ-эпистемы. Между тем, как это часто бывает, там, где, казалось бы, нужно заканчивать и подводить итоги, возникает иная тема, топос [19] перспективы, и всё исследование выходит на новый уровень.

Ответив на вопрос «зачем?» – для реализации людической функции, мы остаёмся в рамках лингвистики и только-только приоткрываем дверь в сферу культуры. Подлинную телеологическую сущность языковой игры помогает раскрыть более широкий культурный концепт – карнавал.

Как известно, понятие карнавала ввёл в научный оборот М. М. Бахтин. Он тонко подметил, что «в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью» [1, с. 13]. В этом специфическая природа карнавала, особый род его бытия. М. М. Бахтин говорит о том, что «новый тип общения всегда порождает новые формы речевой жизни: новые речевые жанры, переосмысление или упразднение некоторых старых форм и т.п.» [Там же, с. 22]. Учёный приводит пример такого изменения при сокращении дистанции между участниками общения: появление «ты», изменение формы обращения и имени, иногда замена имени прозвищем, ослабление речевых запретов, появление непристойных слов. В то же время М. М. Бахтин указывает, что современное фамильярное бытовое общение очень далеко от фамильярного общения народной карнавальной площади. К речевым чертам «карнавально-площадного фамильярного общения» всемирно известный филолог относит довольно частое употребление ругательств, а также божбы и клятвы. И ругательства, и сквернословие, и божбы и клятвы, подчёркивает учёный, «были амбивалентными: снижая и умерщвляя, они одновременно возрождали и обновляли» [Там же, с. 23].

Следует особо подчеркнуть, что карнавализацию языка мы рассматриваем отнюдь не как приобретённые субстандартными речевыми формами проявления карнавальной речи, хотя эти проявления, конечно же, имеют место, некоторые из них облигаторны, другие частотны, третьи употребительны в той или иной мере. Оставаясь в рамках ЗАЧЕМ-эпистемы, мы проецируем черты карнавала как культурного феномена на субстандартную речь. К таким чертам, по нашему мнению, следует отнести:

1. Игровой характер карнавала, который строится на смеховых началах.
2. Построение другого мира, другой жизни на иных, неофициальных началах.

Таким образом, под карнавализацией языка мы понимаем такие конститутивные культурные установки, которые позволяют посредством языковой игры строить иной мир, во многом противоположный официальному. В таком понимании карнавализация рассматривается как телеология языкового субстандарта, задающая исходные координаты для всей эпистемологической линии. Карнавализация как телеология субстандартных форм речи на уровне ЗАЧЕМ-эпистемы конкретизируется в лингвокультурные модусы. В свою очередь, модусы задают формат когнитивных механизмов в ПОЧЕМУ-эпистеме, что позволяет манифестировать модели в КАК-эпистеме и проявляться в явлениях языковой игры в ЧТО-эпистеме.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
2. Береговская Э. М. Молодёжный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32-41.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. 386 с.
4. Волкогонова А. В. Когнитивные механизмы языковой игры в субстандарте // Сборник научных трудов *Sword* по материалам международной научно-практической конференции. 2012. Т. 41. № 4. С. 13-15.
5. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Худож. лит., 1936. 298 с.
6. Журавлёва О. В. Когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков русских и английских публицистических изданий): дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 207 с.
7. Зубова Л. В. Ироническая грамматика: средний род в языковой неологии // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 16-25.
8. Калиновская Е. А., Красса С. И. Ксенолект как лингвокогнитивный феномен: лексическое измерение. Saarbrücken: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2011. 236 с.
9. Калугина Е. Н. Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СГУ, 2008. 27 с.
10. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: КомКнига, 2005. 336 с.
11. Ковыляева Н. Е. Игровая действительность постмодерна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (19). С. 101-104.
12. Красса С. И., Волкогонова А. В. Модели языковой игры в социолекте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 25. С. 74-79.
13. Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. 544 с.
14. Никитина Т. Г. Молодёжный сленг: Толковый словарь. М.: Астрель; АСТ, 2003. 912 с.
15. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта; Наука, 2006. 344 с.
16. Поляков Ю. М. Замыслил я побег... М.: АСТ, Астрель, 2008. 608 с.
17. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
18. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2006. 112 с.
19. Хазагерев Г. Г. Топос vs. концепт: к изучению топосферы культуры // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 6-26.
20. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1999. 459 с.
21. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.
22. Хомяков В. А. Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 94-103.
23. Baranov A., Dobrovol'skij D. Idioms from a Cognitive Perspective // Вестник Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. С. 64-75.

CARNIVALIZATION AS TELEOLOGY OF LANGUAGE SUBSTANDARD

Volkogonova Anna Vladimirovna
Kalugina Elena Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Stavropol' State Agrarian University
 anna.volkogonova@yandex.ru, kalugina.elena2009@yandex.ru

Krassa Sergei Ivanovich, Ph. D. in Philology
North Caucasian Federal University
 skrassa@yandex.ru

The authors suggest the conception of language substandard carnivalization, and present the research program in terms of WHAT-, HOW-, WHY-, WHAT FOR-linguistics, corresponding to the descriptive, explanatory, systemizing and goal-setting stages of studying language game. The results of the research are expressed in language patterns, cognitive mechanisms and linguo-cultural modes. Carnivalization represents the teleology of substandard speech, setting the parameters of FOR WHAT-linguistics.

Key words and phrases: carnivalization; substandard; language game; language pattern; cognitive mechanism; linguo-cultural mode; teleology; WHAT-, HOW-, WHY-, FOR WHAT-linguistics.